

УДК 321:94(450)

**СОЧИНЕНИЕ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ
«САМОУБИЙСТВО ПО ПРИЧИНЕ СВОБОДЫ ИЛИ
ПОДНЕВОЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ» КАК «РЕКВИЕМ»
ФЛОРЕНТИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Павлов К.В.

В исследовании рассмотрено сочинение флорентийского историка, мыслителя и дипломата Франческо Гвиччардини «Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния», содержащее в себе рассуждения с обоснованием морально-этического выбора приёма либо отказа от приёма реструктуризации политической системы государства по типу тирании или народовластия лицами, представлявшими в этой системе «линию», полярную сформировавшейся. Несмотря на то, что Гвиччардини анализирует данную этическую проблему на примерах из античной истории, его сентенции связаны и с проблемами современной ему Флоренции эпохи Итальянских войн, в результате череды внутривполитических пертурбаций утратившей политический суверенитет под ударом империи Габсбургов и совершившей своего рода акт суицида над собой как великой республикой. Автором сделан вывод о характере рассматриваемого сочинения Гвиччардини как облаченного в метафоры на тему древней истории «реквиема» по истории республиканизма во Флоренции эпохи мыслителя. Автором исследования подготовлен перевод на русский язык сочинения Гвиччардини «Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния», который помещен в приложении.

Ключевые слова: Гвиччардини, Флоренция, Рим, Итальянские войны, республика, республиканизм.

FRANCESCO GUICCIARDINI'S ESSAY

“DEL SUICIDIO PER RAGIONE DI LIBERTÀ O DI SERVITÙ”

AS A “REQUIEM” FOR THE FLORENTINE REPUBLICAN TRADITION

Pavlov K.V.

The study considers the work “Del suicidio per ragione di libertà o di servitù” by Francesco Guicciardini, the Florentine historian, thinker and diplomat. It contains reasoning with justification of the moral and ethical choice of accepting or refusing to accept the restructuring of state political system according to the tyranny or people’s power by people who represented in this system a “line” polar to the formed one. Despite the fact that Guicciardini analyses this ethical problem using examples from ancient history, his maxims are also related to the problems of his contemporary Florence of the Italian Wars, which lost its political sovereignty under the attack of the Habsburg Empire and committed a kind of suicidal act against itself as a great republic as a result of a series of internal political perturbations. The author concludes that the character of the considered work of Guicciardini as a “requiem” on the history of republicanism in Florence of thinker’s era, clad in metaphors on the theme of ancient history. The author of the study has prepared a translation of Guicciardini’s work “Del suicidio per ragione di libertà o di servitù” into Russian, which is placed in the appendix.

Keywords: Guicciardini, Florence, Rome, Italian Wars, republic, republicanism.

Флорентийский дипломат, историк и мыслитель эпохи Итальянских войн 1494-1559 гг. Франческо Гвиччардини (1483-1540) известен, прежде всего, своей скептической «Историей Италии», содержащей всестороннее описание событий войн на Апеннинах от их дипломатических предпосылок конца XV в. и до избрания Павла III римским понтификом в 1534 г. [9]. В «Истории Италии», как отмечает отечественный историк М.А. Юсим, аргументируется оценка участи городов-государств на Апеннинах как жертв собственной дезорганизации, катализировавшейся до апогея под влиянием внешней

экспансии Франции, Испании и Империи Габсбургов [6, с. 584-587]. Однако, с точки зрения ряда исследователей фигуры и деятельности Гвиччардини, говоря о политических взглядах флорентинца, все же не следует утверждать о радикальной степени его скептицизма, и в них можно проследить республиканские предпочтения [см.: 4; 6; 7; 13]. Вместе с тем, республиканизм воззрений флорентинца трансформировался с годами от поддержки идеи элитарной республики по типу правления римских оптиматов до предпочтения такой республиканской модели государства, «...чтобы руководило знающее и наделенное опытом меньшинство, которое ограничивало бы произвол государя и умеряло невежество массы» [6, с. 592]. Подобная трансформация воззрений Франческо Гвиччардини на республику как политический организм, очень метко обозначенная греческим автором А. Мулакисом как «республиканский реализм» [13, р. 4-5], прямо связана с наблюдаемыми им сменами форм Флорентийской республики, которой он служил как дипломат и о судьбе которой, прежде всего, рассуждал как историк и мыслитель. В «Истории Италии» Гвиччардини, восприятие современной ему флорентийской политики республиканского периода 1494-1527 гг., пожалуй, едва ли не соответствует современному представлению о критичности анализа историком объекта своего исследования.

Гвиччардини предлагает оценивать политику Флорентийской республики этого периода через призму общей хаотичности и непоследовательности действий правителей городов-государств Италии, приведших к утрате ими какой-либо самостоятельной политической организации [9, р. 378-1045, 1047-1942]. По наблюдениям Гвиччардини, имевшего богатый опыт дипломатической службы во Флорентийской республике [см.: 2] и при папском дворе [см.: 14], политические персоналии этого периода (как во Флоренции, так и в Риме, и в других итальянских областях) были поглощены иллюзиями личных тщеславных амбиций. Ввиду широкого развития знаний о войнах древности, каждый итальянский правитель XVI в. видел себя в условиях современных ему войн, по меньшей мере, Марием, а то и Цезарем [9, р. 154-

156, 725-726]. Однако результатом «наречения» дожа Андреа Гритти в Венеции славным именем римского полководца Фабия Максима [9, р. 997-1004], или гонфалоньера Никколо Каппони во Флоренции не менее славным именем защитника республиканского строя в Риме Гая Гракха [9, р. 1875-1876], становилась переоценка ими собственных возможностей и, как следствие, крушение их республик под гнетом внешних сил. Любопытно, что в историческом анализе Гвиччардини присутствует склонность сравнивать персоналии политического «аппарата» Флорентийской республики с правителями городов-государств Италии, существовавших в более авторитарных формах устройства [9, р. 836-840, 902-905, 1296-1297, 1375-1376]. В сущности, для Гвиччардини гонфалоньер справедливости его родной республики, синьор или герцог любого другого итальянского города-государства – практически одинаково мыслящие политики, целью которых является поддержание своего режима. Оценив скептицизм и критичность мышления автора, некоторые исследователи пошли очень далеко в оценке роли Гвиччардини – историописца. Например, американский ученый М. Филлипс даже оказался склонен считать флорентинца собственно первым историком в современном понимании исторической науки, имея в виду, что он проявил к «объекту» своего анализа в «Истории Италии» – политической системе современных ему итальянских государств эпохи войн на Апеннинах – достаточный уровень критичности осмысления [см.: 15]. Однако, как справедливо отмечает М.А. Юсим, флорентинец скорее стоит «у истоков» современного анализа истории, нежели его открывает [5, с. 43-52]. Считать его «первооткрывателем» научно-исторического анализа не позволяет, по меньшей мере, отсутствие в его восприятии истории принципа историзма. Гвиччардини считает, что Италия, погрязшая в войнах, обречена на участь вечного угасания; попросту – в своем анализе Итальянских войн, он не верит, что эти войны закончатся вообще [6, с. 583-584]. Любой же современный историк, начиная с момента институционализации исторической науки в первой половине XIX столетия, в своем восприятии анализируемого им исторического явления

априори исходит из положения принципа историзма о том, что это явление как начально, так и конечно (имеет логические старт, развитие и завершение в истории) [3, с. 627-628]. Соответственно, и «прогнозируя» политическое развитие Флоренции после падения республики на рубеже 1520-х – 1530-х гг., автор «Истории Италии», идеями историзма еще не оперирующий, придерживается мрачного видения. Утратив республиканские основы, Флоренция, по Гвиччардини, абсолютно потеряет не только политическую самостоятельность, но и культурную идентичность (чего, как нам известно сейчас, с ней в полной мере не произошло даже в эпоху завоеваний Наполеона, сохранившего в делопроизводстве управлявшегося домом Бонапартов так называемого «королевства Этрурия» (с центром во Флоренции) документацию на тосканском диалекте). Однако значительная доля мрачности в оценках флорентинцем положения своего родного государства все же оказалась уместной.

Претерпев с момента начала войн на Апеннинах ряд институциональных изменений, в 1532 г. Тосканская республика пала, приобретя форму подконтрольного империи Габсбургов Флорентийского герцогства и утратив свой суверенитет [10, р. 502]. Засвидетельствование Франческо Гвиччардини изменения положения тосканского государства не могло не найти отражения в ряде последовавших за «Историей Италии» поздних сочинений его авторства. Так, непосредственной реакцией на гибель республики во Флоренции со стороны скептика Гвиччардини стало сочинение-рассуждение 1540 г. «Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния» [8].

Данное сочинение начинается флорентинцем с постановки этического вопроса: «Является ли самоубийство, чтобы не потерять свободу или не видеть свою родину в рабстве, результатом великодушия или трусости, и достойно ли оно похвалы или нет» [8, р. 382]. Рассматривая подобный вопрос, Гвиччардини изначально позиционирует свои рассуждения о нем как политические, а не философские, утверждая, что к последним он просто не способен: «Несомненно, он заслуживает обсуждения со стороны тонких знатоков,

привыкших к изучению философии, о которой я не прочел ни одной книги» [8, р. 382]. Подобная оценка кажется со стороны Франческо в меру самокритичной, исходя из того, как он описывает свое обучение в сочинении «Воспоминания о себе самом», указывая, что с детства изучал латинскую и греческую литературу, но к философии никогда не испытывал специальный интерес [1, с. 304]. Следуя гуманистической традиции обращения к классикам античности, для флорентийских ренессансных авторов являвшейся своего рода дискурсивной практикой [4, с. 135-136], Гвиччардини упоминает, что о политическом самоубийстве рассуждали Цицерон и Цезарь, а также древние философы, но не делает каких-либо прямых указаний на их сочинения или вставок фрагментов либо цитат [8, р. 382]. В этом проявляется его рационалистическая составляющая как мыслителя – античная традиция рассуждений о политике в литературно-публицистической и философской ее формах для него здесь служит лишь «механическим» инструментом для упоминания. Заметно большее значение для Франческо в контексте рассматриваемого им вопроса имеют политические практики древности, стремившиеся сохранить гибнущую республику. Он сравнивает случаи политического самоубийства Марка Порция Катона и Марка Юния Брута, в разное время выступавших апологетами республиканской мощи Рима [8, р. 385-388].

Так Брут, выступив против Цезаря и свергнув его, по мнению флорентинца, противостоял порабощению италиков: «Когда Цезарь достиг высшего положения в городе, Брут поставил себя во главе заговора, потому что у него не было достаточно щедрого духа, чтобы смириться с тем, что родина станет подневольной» [8, р. 386]. Подобный пример оценки явления античной истории – становления формирования Цезарем Римской империи как порабощения населения «ядра» Рима со стороны Гвиччардини демонстрирует его реакцию на современное ему событие итальянской политики – крушение Флорентийской республики под натиском имперских войск Карла V Габсбурга.

В случае с Флоренцией примечательно, что удар Империи Габсбургов не сумело отразить государство, имевшее собственную «имперскую» политическую мифологию. В исторической и политической мысли ренессансной Флоренции, как указывает итало-американский историк К. Челли, со времён Франческо Петрарки культивировалось представление о Флоренции как «наследнице» Римской республики, долженствовавшей, подобно Риму, самой в будущем сформировать великую империю [7, p. 10].

Предметное же обоснование мифа «имперского» развития Флоренции связывалось с принципиальным расширением ее внешних рубежей в первой трети XV в.: так в 1406 г. Тосканская республика завоевала Пизу, после чего в 1411 г. сумела присоединить к своему составу земли Кортонь, а в 1421 г. – территорию Ливорно [11, p. 57]. Современник успехов флорентийской экспансии в Средней Италии первой трети XV в. флорентийский гуманист и историописец Леонардо Бруни даже связал с приобретением Флоренцией Пизы непосредственную аналогию с историей становления имперского измерения в политике Рима.

В «Истории Флорентийского народа» Бруни «имперская» мифология Флоренции развивается следующим сопоставлением с римской историей: взятие Пизы флорентинцами и выход к морю преподносятся им в параллели с успехом Рима в войнах с Карфагеном [12, p. 3, 112, 113]. Гвиччардини же, спустя столетие ставший свидетелем крушения флорентийского «имперского» мифа, называя становление принципата Октавианом Августом «порабощением» римлян, проводит рефлексивную параллель между поражением движения Брута в сражении при Филиппах и потерей Флоренцией республиканского суверенитета в 1532 г. [8, p. 386].

Описывая же мотивы политического самоубийства Катона, флорентинец утверждает, что таковое явилось следствием непринятия невозможности развития Римской республики без учета веса простого населения Рима: «Это был энергичный человек уникальной добродетели и последовательности, который низко ценил мнение масс, о чем свидетельствуют такие практики, как

внутреннее изгнание и другие гражданские преступления. Он нажил себе много врагов в городе, так как не хотел жить в стране, сведенной к служению другим» [8, р. 386]. Катон был для Гвиччардини архетипом римского оптимата – типом политического мышления, иррационально перенятого современной ему республиканской аристократией Флоренции и приведшего тосканскую республику к гибели. Вместе с тем, критикуя Катона и Брута за ситуативность восприятия тирании народных масс и Цезаря над Римом соответственно [8, р. 387-388], Гвиччардини выделяет стремление обоих уйти в ореоле собственной славы: «Это произошло не потому, что у них не хватило духа выдержать рабство, а потому, что им важнее было сохранить свою славу и честь навечно, чем свою жизнь на короткое время» [8, р. 388].

Несмотря на данную флорентинцем оценку политического самоубийства как способа увековечения славы и чести [8, р. 388], следует не согласиться с гипотезой американской исследовательницы Ш. Строккиа о характере сочинения «Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния» как оправдания Гвиччардини возможности совершить суицид самому, связываемой с датировкой года смерти флорентинца [16, р. 58]. Скорее, данное сочинение 1540 г. явилось авторским «реквиемом» Гвиччардини по Флоренции как некогда великой республике, теперь оказавшейся псевдосуверенным герцогством под протекторатом Империи Габсбургов: «Слава не может быть восстановлена возвращением свободы после унижения, необходимого для того, чтобы выдержать послушание и существование в подчинении у тирана» [8, р. 388]. Автор этого суждения умер в том же 1540 г., увидев закат своего государства – закат, ставший закономерностью политических пертурбаций во Флоренции 1494-1527 гг., совокупно оказавшихся сравнимыми для нее с суицидом.

Приложение

ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ. САМОУБИЙСТВО ПО ПРИЧИНЕ СВОБОДЫ ИЛИ ПОДНЕВОЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ [I]

Является ли самоубийство, чтобы не потерять свободу или не видеть свою родину в рабстве, результатом великодушия или трусости, и достойно ли оно похвалы или нет?

Чтобы подойти к сегодняшнему обсуждению без колебаний, необходимо признать, что христианский закон запрещает кому-либо совершать насилие над собой или заканчивать свою жизнь раньше времени и способом, предначертанным Богом. Тем не менее, желая рассмотреть этот вопрос в соответствии с естественным рассуждением о том, что древние не имели христианской веры, нельзя отрицать, что школы древних философов, а также ученые мужи, включая Цицерона и Цезаря, среди прочих, поднимали этот вопрос ярко и подробно, с ясными и острыми рассуждениями. Его также обостряют примеры величайших людей, которые, покончив с собой или дождавшись лучших времен, сделали этот вопрос еще более сомнительным и неясным. Несомненно, он заслуживает обсуждения со стороны тонких знатоков, привыкших к изучению философии, о которой я не прочел ни одной книги [II]. Однако, поскольку я излагаю эти размышления как упражнение для собственной пользы, а не для выгоды кого-либо другого [III], мне будет достаточно говорить якобы, используя только те аргументы, которые приходят мне в голову естественным образом. Нельзя также отрицать, что тот, кто покончил с собой в любом из известных случаев, сделал это не для того, чтобы избежать чего-то, что он считал злом или что вызывало у него страх. Например, тот, кто убивает себя, чтобы не видеть свою родину или своих соотечественников в рабстве, делает это из расчета, что рабство будет плохим, и в страхе перед его неудобствами. В результате такого невнимания страх заставляет человека лишиться себя жизни и свести ее к бессмысленности, вместо того чтобы почувствовать и вкусить то зло, которое, как предполагается, в ней

содержится. Таким образом, корень и происхождение самоубийства в основном зиждутся на страхе перед злом, которого можно избежать, покончив с собой.

Однако необходимо отметить, что это результат трусости и отсутствия духа, необходимого для того, чтобы осмелиться страдать от зла, которое, как считается, существует в рабстве. Также нельзя сказать, что не страх, а любовь к свободе побуждает человека к этому поступку, потому что эта любовь к свободе обязательно основана на ненависти к рабству. Это подразумевает взаимосвязь между любовью и ненавистью, где одно не может существовать без другого. Таким образом, можно предположить, что любовь к одной вещи подразумевает ненависть к противоположной и наоборот. Однако любой человек, движимый любовью к свободе и в то же время ненавистью к рабству, любит то, что считает добром, и ненавидит то, что считает злом. Где есть ненависть, там есть и страх перед тем, что люди ненавидят. Следовательно, необходимо признать, что существует также страх перед рабством и ожидаемым от него злом. Отсюда следует, что каждый, кто убивает себя, чтобы избежать рабства для себя или для своей родины, изначально движим страхом и ужасом, и можно утверждать, что это трусость, а не великодушие. Это наглядно подтверждается, поскольку, согласно общепринятым представлениям, нет сомнения в том, что никакое зло не сравнится со смертью, которая разделяет тело и душу, величайшую и сильнейшую связь между людьми. Философы говорили, что смерть – худшая из всех ужасных вещей [IV]. Конечно, бедность, позор и рабство – меньшее зло, чем смерть, потому что у человека есть естественная тяга к существованию. Если верить тому, кто говорит разумно, то предпочтительнее быть, чем не быть. Один уважаемый автор однажды сказал, что проклятые в аду, у которых нет надежды на искупление в вечности, не изменили бы своего состояния на состояние небытия [V]. Так велико естественное стремление людей к существованию. Отсюда следует, что тот, кто выбирает смерть из-за отвращения к рабству, выбирает большее зло, чтобы избежать меньшего. Это происходит из оценки того, что рабство – большее зло, чем оно есть на самом деле. Бояться его больше, чем следует, неразумно.

Нельзя утверждать, что это происходит от щедрости духа, потому что главная характеристика духовного человека – не делать что-то более ужасным, чем оно есть на самом деле. Тот, кто проявляет такой недостаток, не обладает духом, и, надо сказать, у него обязательно в избытке присутствует робость.

Рассуждая подобным образом, можно сделать вывод не только об отсутствии духа и страхе, но и о недостатке рассудительности, потому что они считают что-то большим злом, чем оно есть на самом деле, и поэтому выбирают большее зло, а не меньшее. Это было бы похоже на сравнение того, кто хочет получить две раны, с тем, кто хочет получить только одну, что, несомненно, создало бы ему репутацию глупца среди всех людей. Этот вывод можно подтвердить и другим аргументом. Любой человек, либо сам оказавшийся в рабстве, либо засвидетельствовавший порабощение его родины, может надеяться вернуть себе свободу, обнаружив, что это жалкое состояние было временным. Такой человек, несомненно, выбирал рабство в расчете на то, что оно закончится. Смерть, с другой стороны, понимается как зло, которое длится вечно. Убийство себя по таким причинам – это форма отчаяния, которая возникает из-за недостатка духа и чрезмерной робости, особенно когда человек теряет надежду на то, что обстоятельства, которые обычно никогда не остаются постоянными надолго, могут измениться. Мы видим, как каждый день меняются дела людей и особенно государств. Там, где сегодня процветают победа и империя, завтра может быть поражение, рабство, и наоборот. Более того, такие бури преобразований часто происходят без предупреждения и вопреки мнению всех людей. Однако тот, кто теряет надежду до такой степени, что это неразумно, должен был родиться либо слишком робким, либо слишком боязливым. Наконец, нельзя отрицать, что самоубийство лишает человека всякого шанса вернуться в желаемое состояние. Лишение жизни вредит другим, особенно когда человек совершает самоубийство, чтобы не видеть свою Родину в рабстве. Выгоднее было бы жить и ждать возможности вернуть своей Родине состояние свободы.

Поэтому я не понимаю, как можно называть любителем своей Родины человека, который вредит себе и лишает себя всякой возможности когда-либо ей помочь. Не знаю также, за что можно хвалить это действие, если оно происходит от недостатка духа, преувеличенного страха перед рабством и плохого суждения, не придающего достаточного значения тому, насколько великим злом является смерть, которая вредит не только им, но и другим. Тот, кто с духом переносит трудности рабства, заслуживает большей похвалы, потому что он сохраняет свою способность наслаждаться свободой в будущем. С другой стороны, можно прочесть, как в древние времена многие люди, считавшиеся великими по своим делам и духу, неожиданно покончили с собой. Они действовали не только для того, чтобы оказать услугу Родине, как в случае с Децием [VI], о котором не следует говорить, поскольку он не подпадает под понятие рассматриваемой темы [VII], но при обстоятельствах, которые не приносили никакой пользы обществу. Они хотели просто избежать рабства, чтобы не жить на родине, которая не была свободной. Среди них был лидер римлян Марк Катон [VIII], который покончил с собой в Утике. Это был энергичный человек уникальной добродетели и последовательности, который низко ценил мнение масс, о чем свидетельствуют такие практики, как внутреннее изгнание и другие гражданские преступления. Он нажил себе много врагов в городе, так как не хотел жить в стране, сведенной к служению другим. За ним последовал Марк Брут, его племянник, человек, искушенный в изучении философии, он был настолько благоразумен и серьезен, что считался олицетворением римской молодости. Когда Цезарь достиг высшего положения в городе, Брут поставил себя во главе заговора, потому что у него не было достаточно щедрого духа, чтобы смириться с тем, что родина станет подневольной. Как только римский народ был обращен в рабство из-за соглашения между Марком Антонием и Октавианом [IX], он потерпел поражение в битве с тиранами на полях в Филиппах. Несмотря ни на что, он пытался бежать и надеялся собрать новую армию или хотя бы укрыться где-нибудь на востоке, не под римским владычеством. Благодаря своей дружбе с

Антонием он также надеялся на примирение со своими врагами, если удастся достичь приемлемых условий. Вместо этого он решил покончить с собой, чем жить в рабстве и видеть, как его страна продолжает жить под неопределенными надеждами.

Это были очень благоразумные люди, и трудно поверить, что они не различали большего из зол между смертью и рабством. Невозможно поверить, что, прожив жизнь, всегда демонстрируя великий дух, они решили бы покончить с собой из робости, тем более что смерть по своей природе так ужасна и противоречит естественному желанию всех людей, многоголосием взывающих к жизни. Невозможно поверить и в то, что тот, кто не боится смерти, должен бояться чего-то другого. Поэтому нельзя сказать, что такие прекрасные и великодушные люди предали себя смерти из страха и без мужества перенести то зло, с которым они были готовы столкнуться при жизни. Напротив, они настолько привыкли жить свободно и достойно, ими двигало некое величие и щедрость духа, что они решительно отвергли жизнь в рабстве без славы и свободы, в которой они родились и выросли. Жизнь – это то, чего нужно желать и от чего можно отказаться только тогда, когда это желание больше не существует. Поскольку жизнь непостоянна и все должны умереть, короткая и почетная жизнь предпочтительнее долгой и бесславной. Тот, кто привык жить славно, завися только от себя, должен всеми силами бежать от потери этой славы, а не склоняться и унижаться перед другими, вопреки своему представлению о разумном. Этот аппетит рождается не из страха не выдержать зла, которого можно избежать, а для того, чтобы не запятнать славу и щедрость, обладая которыми, человек жил. Катону, Бруту и многим другим не хватало таланта и умения, чтобы знать, как жить в рабстве, не хватало упорства и трудолюбия, чтобы принизить силу тиранов. Они также не боялись и не хотели избежать потери власти, злоупотреблений и мучений. Не были они и чрезмерно наивны в представлениях о путях человечества. Тем более что в свое время они были свидетелями стольких перемен в своей республике [X], что не могли не

понимать, что это зло не будет существовать вечно и что, прожив еще хотя бы один день, они могут увидеть возвращение свободы на родине.

Никто не в силах сохранить свою жизнь навсегда. Но можно сохранить свою честь и славу. Было бы большим позором подчиняться и служить тому, кто по законам природы и общества становится им ровней, только из-за плохой судьбы. Поэтому, желая сохранить свою славу, они лишили себя жизни. Это произошло не потому, что у них не хватило духа выдержать рабство, а потому, что им важнее было сохранить свою славу и честь навечно, чем свою жизнь на короткое время. Здесь можно было бы возразить, что не им судить о том, сколько позора и бесчестия принесет послушание, не по их вине, а по велению судьбы. Однако, учитывая, что для них было бы ненавистно жить подобным образом, нельзя, на мой взгляд, ставить вопрос о том, что им не хватало духа. Напротив, они продемонстрировали высокую степень благородства, оценив славу и репутацию больше, чем жизнь, поскольку эти качества вечны, тогда как жизнь временна. Человек может контролировать свои добродетели, в то время как жизнь контролируется природой. Поскольку смерть – величайшее и ужаснейшее из зол, то еще более похвально восхищаться постоянством и величием тех, кто не боится ее, чтобы сохранить свою славу. Не следует также принимать во внимание возможность надежды вернуть себе свободу, как будто это искупит славу, оскверненную жизнью в рабстве у тирана. Слава не может быть восстановлена возвращением свободы после унижения, необходимого для того, чтобы выдержать послушание и существование в подчинении у тирана. Есть аргументы как в пользу одной стороны, так и в пользу другой. На мой взгляд, нельзя отрицать, как показывает пример стольких людей, что польза каждой стороны проистекает из величайшей щедрости духа, хотя можно спорить, была ли эта щедрость использована должным образом.

Примечания:

I. Франческо Гвиччардини. Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния / Пер. с ит. К.В. Павлова по изд.: Guicciardini F. Del

suicidio per ragione di libertà o di servitù // *Opere Inedite di Francesco Guicciardini. Ricordi Autobiografici e di Famiglia e Scritti Vari*. Firenze: Presso M.Cellini, 1867. P. 382-388.

II. Гвиччардини упоминает выше Цицерона и Цезаря как «ученых мужей», основываясь на мнении каковых, возможно составить некоторое представление о вопросе, являющемся предметом данного его рассуждения. Однако тут же свидетельствует о том, что философскую традицию рассмотрения этого вопроса он для себя не освещал. Очевидно, он знаком с сочинениями «ученых мужей» – Цицерона и Цезаря, однако не причисляет их к философам, ввиду традиционного представления ренессансных авторов об «учености» скорее как знании философии, а не принадлежности к ней непосредственно.

III. Следует полагать, что Гвиччардини, свидетельствуя, что готовит данное сочинение как «упражнение для собственной пользы, а не для выгоды кого-либо другого», имеет в виду, что оно не должно быть опубликовано, по меньшей мере, при жизни автора. Так, итальянский историк Дж. Канестрини, руководивший изданием сочинений Гвиччардини (помощь в котором ему осуществляли потомки флорентинца – Пьеро и Луиджи Гвиччардини), упоминает в статье-предисловии к этому изданию о том, что сочинение «Самоубийство по причине свободы или подневольного состояния» было случайно найдено ими в семейном архиве «...при разборе семейных некрологов». См.: Canestrini G. *Gli scritti di Guicciardini. Prefazione // Opere Inedite di Francesco Guicciardini. Ricordi Autobiografici e di Famiglia e Scritti Vari / A cura di G.Canestrini, P.Guicciardini & L.Guicciardini*. Firenze: Presso M.Cellini, 1867. P. 30.

IV. Обобщающие рассуждения отвлеченного типа о философии – вообще довольно характерная черта сочинений Гвиччардини в различных формах. Обилие подобных фраз в духе «философы говорили» или «древняя мудрость гласила» встречается у него также, к примеру, в политическом трактате «Диалог об управлении Флоренцией», или в триптихе ораторий:

«Утешительная речь», «Обвинительная речь» и «Защитная речь». См.: *Opere di Francesco Guicciardini*. In 3 vol. Vol.1 / A cura di E.Scarano. Torino: UTET, 1970. 870 p.

V. По всей видимости, речь идёт о Данте и о начале его знаменитого диалога с Вергилием в «Божественной комедии» (Ад, III-IV).

VI. Публий Деций Мус – представитель знатного плебейского рода эпохи ранней республики в Риме. Консул Рима в 340 г. вместе с Манлием Торкватом.

VII. Гвиччардини не ставит смерть Деция в разряд самоубийств, но выделяет ее как отдельный случай ухода из жизни исторического деятеля. Согласно античной традиции, будучи консулами в 340 г., Деций и Торкват перед решающим сражением при Капуе в войне римлян с восставшими против их власти латинянами увидели сон, гласивший, что в битве победит то войско, полководец которого пожертвует собой на поле боя. Оба консула посчитали сон знамением и дали обет пожертвовать собой в случае, если отряд кого-либо из них задумает отступить. Возглавляя свой отряд, Деций пал в битве, поведя его вперёд вместо предполагавшегося ходом сражения отступления, и римляне действительно одержали победу.

VIII. Марк Порций Катон (234-149 гг. до н.э.) – знаменитый римский сенатор эпохи войн с Карфагеном, мастер впечатляющих ораторий.

IX. Возможно, Гвиччардини интерпретирует как «поработившее» Рим соглашение Антония и Октавиана на встрече в Таренте, произошедшую на рубеже 38-37 гг. д.н.э. На встрече была достигнута предварительная договоренность о восстановлении действия закона о комитете триумвиров – соправителей Рима. Однако впоследствии эта договоренность не соблюдалась, что в конечном итоге, ввиду победы в противостоянии триумвиров Октавиана, действительно привело к радикальным изменениям в римском политическом устройстве. См.: Бейкер Д. Август. Первый император Рима / Пер. с англ. Н.А. Поздняковой. М.: Центрполиграф, 2010. С. 165-166.

X. Упоминание о множестве перемен в «зрелом» республиканском Риме, засвидетельствованных Катонем и Брутом при жизни, – также явная отсылка

Гвиччардини к ситуации интенсивных политических пертурбаций, наблюдаемой им самим в современной ему Флорентийской республике.

Список литературы:

1. Гвиччардини Ф. Воспоминания о себе самом // Гвиччардини Ф. Сочинения // Пер.с ит. А.К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 301-520.
2. Павлов К.В. Дипломатический дебют Франческо Гвиччардини на службе Флоренции: миссия к Фердинанду Католику (1512-1513) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (8-10 ноября 2022 г.). СПб.: Скифия-принт, 2023. С.453-464.
3. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
4. Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Том 1. Эпоха Ренессанса / Пер. с англ. А.А. Олейникова; под науч. ред. В.В.Софронова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.
5. Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени. Сборник статей / Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 43-52.
6. Юсим М.А. Франческо Гвиччардини – историк Итальянских войн / Гвиччардини Ф. История Италии. В 2 т. Т. 2 / Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2019. С. 579-640.
7. Celli C. The limits of self-interest // The defeat of a Renaissance intellectual: selected writings of Francesco Guicciardini / Ed. by Carlo Celli. Philadelphia: The Pennsylvania State University Press, 2019. P.10-43.
8. Guicciardini F. Del suicidio per ragione di libertà o di servitù // Opere Inedite di Francesco Guicciardini. Ricordi Autobiografici e di Famiglia e Scritti Vari. Firenze: Presso M.Cellini, 1867. P. 382-388.

9. Guicciardini F. *Storia d'Italia // Opere di Francesco Guicciardini*. In 3 vol. Vol. 2-3 / A cura di E. Scarano. Torino: UTET, 1981. 1050+988 [2038] p.
10. Hale J.R. *The end of Florentine liberty: the Fortezza Da Basso / Florentine studies. Politics and Society in Renaissance Florence / Ed. by N. Rubinstein*. London: Faber and Faber Ltd, 1968. P.501-532.
11. Hornqvist M. *Machiavelli and Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. XI, 302 p.
12. *Istoria Fiorentina di Leonardo Aretino / A cura di C. Monzani*. Firenze, 1861. 676 p.
13. Moulakis A. *Republican realism in Renaissance Florence: Francesco Guicciardini's Discorso di Logrogno*. Oxford: Rowman & Littlefield, 1998. 171 p.
14. Pavlov K.V. Francesco Guicciardini «Between Two Medici»: the Origin of the *Storia d'Italia* and the Pontificate of Adrian VI (1521-1523) // *Материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых «Вектор 3.0»*. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. С. 124-126.
15. Phillips M. *Francesco Guicciardini: The historian's craft*. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 195 p.
16. Strocchia S. *Women on the edge: Madness, possession and suicide in early modern convents // Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2015. Vol. 45. No. 1. P. 53-77.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистр истории, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavlov Kirill Vladimirovich – Master of History, graduate student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com.